

Владислав **КРАПИВИН**

ДЕТИ СИНЕГО ФЛАМИНГО

Летящие сказки

Владислав Крапивин
Дети синего фламинго

«наследники Крапивина»

1981

Крапивин В. П.

Дети синего фламинго / В. П. Крапивин — «наследники Крапивина», 1981 — (Летающие сказки)

Пятиклассник Женька Ушаков – герой повести из цикла «Сказки о парусах и крыльях» – попадает на таинственный остров Двид, и необходимость помочь своим новым друзьям-островитянам вовлекает его в невероятные приключения.

© Крапивин В. П., 1981

© наследники Крапивина, 1981

Содержание

Деревянный кинжал	6
Незнакомец	10
Первый разговор с Тахомиром Тихо	15
Пушинка на рукаве	19
Встречи в городе	22
Ящер	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владислав Крапивин

Дети синего фламинго

Надо мной опять кружит тень.

Третий день подряд...

Да нет, не думайте, что это плохо! Это замечательно! Значит, Птица нашла меня. Значит, она выросла!

Но птенец не мог вырасти сам, его кто-то должен был выкормить. А никто, кроме нас двоих – меня и Малыша, не знал, где гнездо. Разве что Отшельник... Нет. Отшельник не стал бы заботиться о птенце. Ведь он старался “никому не делать ни зла, ни добра”.

Значит, Малыш жив!

Почему же он не вернулся с Птицей? Не знаю. Я пока ничего не знаю, но скоро узнаю все. Я уже решил. Только мне опять нужен кинжал. Такой же, как появился у меня в тот день, в августе...

Деревянный кинжал

В тот вечер мы играли в войну. Не в современную войну, где дым и грохот, а в рыцарей. У нас были деревянные мечи и щиты из фанеры. На щитах каждый рисовал какой-нибудь знак – свой рыцарский герб. У меня был олень. Такой же, как на моей майке. Просто я ничего не мог придумать и срисовал этого оленя с майки. И получилось здорово – будто у меня и правда свой герб: на щите и на одежде...

В нашей армии было пять человек, а у противников шесть. Поэтому договорились, что мы будем укрываться в засадах, а они нас искать: у тех, кто прячется, всегда есть преимущество.

По сигналу мы разбежались. Я сразу кинулся в “ущелье”. Это заросший лопухами проход между глухой стеной двухэтажного дома и высоким сараем. Я знал, что очень скоро противники побегут через “ущелье” в соседний сквер – искать нас в кустах желтой акации.

В проходе спрятаться было негде: лопухи мы порядком повытоптали. Но из-под крыши сарая торчала толстая жердь, я ее давно приметил. Я закинул за спину щит, а меч сунул под резинку на шортах – так, что клинок вылез из штанины, и стал взбираться.

Бревна, из которых был сложен сарай, разошлись от старости, в них чернели щели. Они помогали мне цепляться. Скользкие сандалии срывались, занозистый меч царапал ногу, но все же я добрался до жерди. Ухватился за нее и повис.

Мускулы у меня не очень-то сильные, подтягиваться я плохо умею. Но пальцы и кисти рук у меня крепкие – такой уж я уродился. Я долго-долго могу вертеть мечом во время боя, а если во что-нибудь вцеплюсь, могу висеть хоть целый день. Ну, не день, а, скажем, полчаса.

Значит, я повис и стал ждать рыцарей чужой армии.

Скоро они появились. Втроем. Пригибаясь, они шли гуськом и, конечно, вверх не взглянули. Когда предводитель оказался почти подо мной, я разжал пальцы.

Вот уж в самом деле – как снег на голову!

От моих сандалий до земли было метра три, но примятые лопухи смягчили толчок. Противники и опомниться не успели: трах, трах! – я нанес одному два удара. Трах, трах – другому!

Мы всегда играли честно, без лишних споров. Два удара получил – значит, убит. Оба рыцаря надулись, но отошли в сторону. Зато третий, еще не задетый моим мечом, поднял щит и бросился в атаку.

Его звали Толик. Он был из другого квартала и редко играл с нами. Лишь когда мы увлеклись рыцарскими боями, он стал приходить каждый день. Мне раньше казалось, что он слабенький, но сейчас я понял, какой это боец. Он был поменьше меня, но быстрый и такой смелый. К тому же он, видимо, рассердился и решил отомстить за двух своих соратников.

Ух, как по-боевому блеснули его темные глаза над верхним краем щита! А на щите чернели скрещенные стрелы и пламенело оранжевое солнце.

Он крепко надел на меня, и я отступил к выходу из “ущелья”. Но тут со двора кинулся мне на помощь Степка Шувалов. Он не очень ловкий фехтовальщик, но зато большой и тяжелый, как настоящий рыцарь в доспехах. Вдвоем мы сразу оттеснили Толика в другой конец прохода, к овражку, что тянется вдоль огородов. Толик отступил на самый край и отбивался изо всех сил. Но что он мог сделать против нас двоих?

– Сдавайся, – сказал Степка.

Наш противник лишь глазами сверкнул из-за щита. И еще сильнее замахал мечом...

Наш овражек неглубокий, но к августу он доверху зарастает темной, злющей, как тысяча гадюк, крапивой, и падать в него – все равно что в кипяток. А Толик стоял уже на кромке. Он, видимо, сильно устал: даже дышал со всхлипом. И я... в общем, я сделал шаг в сторону и опустил меч.

Толик замер на миг. Потом прыгнул между мной и Степкой и отбежал на несколько шагов.

Степка обалдело уставился на меня:

– Ты чего?

– Ничего... Он же сорваться мог.

– Ну и что? Сдавался бы.

– Он не сдастся, – сказал я.

– Ну и летел бы тогда!

– Летел бы? Сам попробуй! Думаешь, приятно?

– Ну так чего ж... – немного растерянно проговорил Степка. – Это же война...

– Война должна быть честная.

Степка тяжело засопел. Он был не злой, только медленно соображал. И когда что-нибудь не понимал, начинал так вот сопеть. Наконец он пробубнил:

– Подумаешь... Он же в длинных штанах и в куртке. Ну и свалился бы...

– Вот балда! А руки? А лицо?

Я словно совсем близко увидел Тольконо загорелое лицо с белыми волдырями от злых укусов. Меня даже передернуло. Я не выношу, если у кого-нибудь боль. Особенно вот такая... обидная. И главное, за что? За то, что он так смело сражался?

Я оглянулся на Толика. Он не убежал. Стоял с мечом наготове. Он не хотел уходить от боя!

Вдруг он опустил меч. И лицо у него изменилось: он что-то увидел в стороне от нас.

Я посмотрел в ту же сторону. По деревянному тротуарчику вдоль овражка медленно шли мужчина и женщина. Я их узнал.

И ясный вечер сразу сделался печальным и тревожным.

Это были родители мальчика, который утонул в начале нынешнего лета. Его звали Юлька. Юлька Гаранин. Ему тогда, как и мне, было одиннадцать лет. Я его не знал: он переехал откуда-то на нашу улицу в мае, а в начале июня отправился купаться на озеро и не вернулся.

На берегу нашли его велосипед и одежду. А самого не нашли. И наверно, уже не найдут: в нашем озере есть глухие бездонные омуты. Там вообще лучше не купаться в одиночку...

Говорят, отец и мать его после этого сразу сильно постарели. Не знаю, я их до Юлькиной гибели не встречал. Но когда увидел первый раз, они в самом деле показались очень пожилыми. И какими-то... сгорбленными, что ли...

Они всегда ходили вдвоем. Бывало, что идут мимо нас, потом остановятся в сторонке и молча смотрят, как мы играем. У нас пропадало сразу всякое веселье. Мы себя чувствовали так, будто виноваты перед ними. Потом они будто спохватывались и торопливо уходили. Но прежнее настроение возвращалось к нам не сразу.

Вот и сейчас мне расхотелось играть. Толику, видимо, тоже. И даже Степке.

Я подошел к Толику и сказал:

– Ничья. Ладно?

Он кивнул. Он думал о чем-то своем.

Я тоже.

Я стал думать про маму и папу. Они сегодня днем уехали на целую неделю в Москву, к папиной сестре тете Вере. Ничего особенного, они и раньше уезжали, а я оставался с бабушкой. Но сейчас мне стало грустно и как-то неуютно. Я подумал, что уже поздно, надо ехать к бабушке, а то не доберусь к ней до темноты...

В это время вдалеке загремело пустое ведро – сигнал сбора обеих рыцарских армий.

– Степан! – окликнул я. – Скажи нашим, что я сегодня больше не играю. Мне пора.

Надо было бы забежать домой: оставить оружие и прихватить курточку. Но мне ужасно не хотелось заходить в пустую молчаливую квартиру. Я взял меч и щит под мышку и зашагал к автобусной остановке.

Я прошел уже два квартала, как вдруг услышал:

– Жень!

Меня догонял Толик. Он как-то неуверенно догонял. Словно боялся, что я не захочу подождать его. Я остановился. Даже ему навстречу шагнул. Он подошел, посмотрел на свои пропыленные кеды и сказал:

– А я вижу, ты в ту же сторону идешь... Нам по пути. Ты разве не домой?

Я был рад, что он догнал меня. И поскорее объяснил, что еду к бабушке в Рябиновку. Это такой поселок на берегу озера, в семи километрах от города.

Мы пошли рядом.

– А надолго ты к бабушке? – спросил Толик.

– На неделю, пока мама с папой не вернутся...

– У-у... – огорченно сказал он. – Значит, завтра ты с нами играть не будешь.

– Ну почему? Я могу приехать, это же недалеко. Я могу каждый день приезжать, если...

– “если ты хочешь”, чуть не сказал я, но постеснялся. Однако он, кажется, понял, проговорил тихо:

– Ага... приезжай.

– Обязательно! – пообещал я.

Он быстро взглянул на меня – у него были коричневые с золотыми точками глаза – и нерешительно сказал:

– А давай завтра, чтоб не против друг друга, а в одной армии...

– Конечно, давай! – еще больше обрадовался я. И почувствовал, что, хотя мама с папой уехали, вечер сегодня все равно хороший.

Мы стали разговаривать про завтрашнюю игру и незаметно дошли до автобусной остановки. Тут я спохватился:

– Ой, ты же давно мимо дома прошел!

Он засмеялся:

– Ну и что? Я не тороплюсь.

Я посмотрел на расписание. Автобус должен был прийти через двадцать минут.

– Ничего, подождем, – сказал Толик.

Недалеко от остановки, на краю пыльной лужайки, стоял стеклянный киоск (низкое солнце блестело на нем оранжевыми огоньками). Киоск еще торговал. Я подбежал, чтобы купить два стакана газировки, но краснощекая тетка в окошке буркнула, что лимонад продается только бутылками – по двадцать две копейки – и пустая посуда обратно не принимается.

У меня в кармашке лежали всего пятнадцать копеек, да к тому же пять из них нужны были на билет. Я виновато посмотрел на подбежавшего Толика. Но он весело зашарил по карманам и тут же отыскал гривенник и двушку.

Тетка сердито сунула нам запечатанную бутылку, а потом сдачу – мокрыми копейками. Мы кинули в траву щиты и сели на них. Будто настоящие рыцари на привале.

– А чем открывать? – спросил Толик. Он попробовал сорвать пробку зубами, но она держалась, как припаянная. Мне показалось, что тетка за стеклом киоска ехидно ухмыляется.

– Подожди-ка, – сказал я и снял с себя ключ (он висел на шнурке под майкой).

О ключе надо сказать подробнее. Наш двухэтажный дом был очень старый, и тяжелые врезные замки в дверях были тоже, наверно, столетние. Поэтому и ключи от нашей квартиры не походили на обычные. Они были медные, с трубчатым стержнем, хитрой зубчатой бородачкой и фигурным колечком. Будто от старинной шкатулки. Такой, если потеряешь, у слесаря уже

не закажешь. Мама всегда боялась, что я выроню ключ, когда бегаю на улице: кармашки на шортах мелкие, а скакать и кувыркаться я любил. Вот и приходилось таскать ключ на шнурке под майкой. Я немного стеснялся этого: с ключом на шее обычно ходят малыши. Но мама просила, и я не спорил...

Я подцепил пробку зубчиками ключа. Она сверкнула и улетела в одуванчики. Мы выпили из горлышка шипучую газировку, спустили бутылку в урну, потом еще посидели на щитах, и тут подошел автобус.

– Ну... ты приезжай завтра, – проговорил Толик, когда дверь зашипела и открылась.

– Ладно! Я обязательно...

Он вдруг распахнул курточку и выдернул из-за ремешка небольшой деревянный кинжал. Протянул мне на открытой ладони:

– Хочешь?

У кинжала была красивая рукоятка – с мелким вырезанным узором. Конечно, я хотел такой. Но дело даже не в кинжале.

– Какой хороший... Сам делал?

– Сам. Бери.

– Насовсем?

– Конечно. – Толик быстро вскинул на меня свои глаза с золотыми точками и опять опустил ресницы.

– Спасибо... Толик, – сказал я и взял кинжал. И, цепляясь своим рыцарским снаряжением за дверь, полез в автобус.

Дверь сразу закрылась. Я глянул через стекло и увидел, как Толик слегка поднял руку, словно хочет помахать и не решается. Тогда я несколько раз махнул кинжалом, и Толик быстро замахал в ответ. И я поехал...

Незнакомец

Когда не стало видно Толика, я сунул кинжал под резинку на поясе и достал мокрые копейки. В это время щелкнул и откашлялся динамик. “Сейчас заскрипит: мальчик, а ну бери билет”, – с неприятным ожиданием подумал я. И скорее шагнул к кассе.

– Мальчик, не опускай деньги, – басовито сказал динамик. – В кассе билеты кончились... Ничего, езжай так, автобус не рассыплется... – За темными стеклами кабины я не видел водителя, но мне показалось, что он пожилой, с большими усами и улыбчивый.

Пассажиры на меня заглядывались: что за мальчик, которому разрешили ехать без билета? Мне показалось, что они думают: “Вот чудак, забрался сюда с деревянным щитом и мечом; не маленький вроде бы, а с игрушками”. Я поскорее сел на свободное место к окошку и поставил щит на колени – загородился. Но от всех не загородишься.

Один пассажир (он сидел у противоположного окна) все посматривал на меня. Это был худой дядька в каком-то старомодном пиджаке и помятой широкополой шляпе.

Не люблю, когда меня разглядывают!

Я сердито передвинул щит вправо – так, что кромкой расцарапал кожу на колене. Разозлился и стал, не отрываясь, глядеть в окно.

Солнце спряталось, но облака еще ярко светились. Казалось, что они летят, не отставая от автобуса, над антеннами, над маленькими домами окраинных улиц. Потом – над деревьями вдоль тракта... Я смотрел на облака минут пять, затем опять оглянулся на неприятного дядьку. От светлых облаков плясали в глазах зеленые пятна, однако я заметил, что он по-прежнему разглядывает меня.

Что ему надо?

Мне даже стало не по себе. И я решил: поеду не до конечной остановки, а выйду раньше, у дома отдыха “Звездный”. Оттуда – сначала по берегу, потом вдоль огородов, и я у бабушки.

Остановка находилась у самого озера. Я вышел на берег и зашагал вдоль воды по песку.

Вода и небо еще были светлыми, а на землю уже напоздали сумерки. На далеком берегу переливались огоньки. За деревьями, в парке “Звездного”, загорелись лампочки. Но сильнее лампочек была круглая луна. Поднялась она недавно, однако почти сразу стала светить как прожектор. Вдоль берега росли старые ветлы, их темные листья иногда заслоняли луну и словно разрывали на яркие клочки. Это было красиво. Но от воды и от влажного песка тянуло зябкой сыростью, поэтому я не очень-то любовался на луну. Я даже пожалел, что не забежал домой за курточкой.

Чтобы не продрогнуть совсем, я отошел подальше от воды – к траве у границы песчаного пляжа. Трава была густая и довольно высокая. В ней вдруг затрещал одинокий кузнечик. Может быть, тоже озяб?

Я почти дошел до тропинки и вдруг увидел в траве желтый полумесяц. Не такой яркий, как луна, однако заметный. Кто-то забыл здесь большой мяч – наполовину синий, наполовину желтый. Синий бок сливался с травой, а желтый светился, как серп какой-то полуосвещенной планеты. Она заблудилась в здешнем травяном космосе.

Я выкатил мяч на песок, чтобы тот, кто будет искать, сразу увидел его. Резиновые бока у мяча были теплые, как у живого. А не озябнет он здесь на голом песке?

Только я подумал про это, как услышал за спиной:

– Не уходите, пожалуйста...

Я сначала не понял, что это мне. Но оглянулся. По берегу торопливо шел человек. Было довольно светло от воды и неба, и я сразу узнал дядьку в широкополой шляпе. Того, из автобуса.

А больше никого кругом не было.

– Подождите меня, будьте добры, – сказал мне этот человек. Он слегка запыхался. Голос у него был странный: слишком тонкий и мягкий, не подходящий такому высокому мужчине.

Я удивился, конечно, и замер на месте. Незнакомец подошел. Он снял шляпу и держал ее у груди.

– Извините, – сказал он. – Мне показалось, что в автобусе я рассердил вас. Мое слишком пристальное внимание было, видимо, неприличным. Но вы все поймете, если выслушаете меня...

Ко мне впервые обращались так длинно и вежливо. Я растерялся и поэтому ответил грубовато:

– Ну... говорите.

– Сядем, если позволите, – попросил он.

Недалеко от нас темнела вкопанная в песок скамейка – два бревнышка и доска. Незнакомец подождал, когда я сяду, и сам примостился на краю доски. “Что ему надо?” – опять подумал я. А он наклонился, заглянул мне в лицо и мягким своим голосом спросил:

– Скажите, вы рыцарь?

“Ну, все понятно”, – решил я.

Наверно, в автобусе рядом со мной стояла какая-нибудь старушка, а я не заметил. И теперь этот человек будет меня воспитывать: “Вот ты изображаешь из себя рыцаря, а бабушке место не уступил. Разве рыцари так поступают?” Я и раньше встречал таких взрослых: они очень любят подъезжать к ребятам с воспитательными беседами.

А в автобусе и так было много свободных мест!

– Что вам от меня нужно? – не очень-то ласково сказал я.

– Простите, – опять мягко проговорил он. – Я наблюдал за вами не только в автобусе, но и раньше... Во время вашего рыцарского турнира... Ваше благородное отношение к противнику... Это убедило меня, что вы действительно рыцарь...

“Издевается, что ли?” – подумал я.

А он продолжал:

– Я разглядел ваш знак – гордого оленя. Рыцарь Оленя – можно я буду вас так называть, пока не узнал вашего имени?

“Может, пьяный?” – подумал я и встал. И сказал ему:

– Вам нравится шутить, а мне надо идти. Уже поздно.

Он тоже встал и опять прижал шляпу к груди.

– Вы сердитесь... Вы должны извинить меня, я не из этой страны и невольно могу нарушить какие-то обычаи. Но прошу: выслушайте меня...

“Шляпа ненормальная, пиджак какой-то странный, – подумал я. – Может, в самом деле иностранец?”

И спросил:

– Вы интурист?

– М-м... Я не знаю, что такое “интурист”. Но я издалека. – Незнакомец слегка нагнулся ко мне, словно надломился в пояснице. – Я с острова Двид. И я ищу юного рыцаря, который избавит мою страну от векового зла.

Тут я, по правде говоря, перетрусил! Уже сумерки, кругом никого, а я один на один с сумасшедшим. Я сделал шаг назад: если рвану изо всех сил – не догонит.

Он заметил мое движение, как-то сник, сел на край скамейки и с тихим отчаянием сказал:

– Вот и вы, Рыцарь Оленя, хотите уйти. Как многие... Я прошел столько земель и не отыскал никого...

Что-то странное было в его голосе. Мне стало жаль его. “Может, он не опасный? – подумал я. – Может, просто немного свихнулся и теперь мучается?”

– Ну а что вам надо-то? – неловко спросил я.

Незнакомец с надеждой поднял голову. И тихо, но горячо проговорил:

– Мне надо многое... Мне надо, чтобы вы, Рыцарь Оленя, отправились со мной на остров Двид и сразились с Ящером. С тем чудовищем, которое много-много лет держит в страхе всех людей нашей страны.

“А больше тебе ничего не надо?” – подумал я и усмехнулся.

Незнакомец опять резко наклонился ко мне:

– Это не сказка, клянусь!.. Сядьте, прошу вас. Поверьте, у меня в мыслях нет шутить с вами или чем-нибудь вам навредить.

Мне стало неловко за свой испуг. Я присел на другой конец скамейки и спросил:

– А что за остров Двид? Что-то я не слыхал...

– Конечно! – торопливо согласился он. – Остров невидим... Невидим с этих берегов. Это не укладывается в привычные понятия, но я объясню... потом. Главное не в этом. Над островом жестокий гнет. А древняя легенда говорит, что однажды из дальних стран придет юный рыцарь и уничтожит Ящера...

Видимо, он сам верил в то, что говорил. Мне стало интересно.

– А далеко ваш остров?

Незнакомец, наверное, подумал, что я начинаю соглашаться. Он придвинулся ко мне.

– Далеко!.. Но это трудно объяснить. Все зависит от разных условий. Если отправимся сейчас, путь займет не больше двух часов...

“Ага! – подумал я. – Жулик какой-нибудь. Заведет неизвестно куда, потом ткнет по башке и ограбит...”

Да, но что у меня брать? Пять копеек да медный ключ?

А может, шпион? Заманит в тайную лабораторию, где устраивают секретные опыты над детьми...

Но тут я сам застыдил своих дурацких мыслей. Так можно до какой угодно чепухи додуматься, и получится, что я больше сумасшедший, чем этот дядька.

А незнакомец придвинулся совсем близко и спросил:

– Хотите взглянуть на наш остров?

Он полез во внутренний карман пиджака и достал... Я сперва не понял что. А потом увидел: это было зеркальце. Довольно крупное – с почтовую открытку. В узкой металлической рамке. В зеркальце на миг отразилась луна.

Незнакомец положил мне зеркальце на коленку. Я вздрогнул: оно было очень холодное. И тяжелое. Но почти сразу тяжесть уменьшилась, а толстое стекло стало наливать теплотой. Сначала в зеркальце отражалось небо с бледной звездочкой, но скоро оно подернулось искрящейся пленкой. Затем пленка рассеялась, и я увидел, как на экранчике, зеленые горы, небо с пушистыми солнечными облаками, какие-то развалины с белыми колоннами и домики на склоне холма. Все так четко виделось!

Изображение двигалось, будто кто-то плавно поворачивал телеобъектив. На переднем плане проплывали кусты с цветами вроде шиповника – так близко, что я различал прожилки на лепестках...

Зеркальце стало горячее и сильно грело колено. Я оторвал глаза от неизвестной страны и посмотрел на незнакомца. Экран хорошо освещал его лицо. Оно было длинное, с большим печальным ртом, с резкими морщинами и маленькими круглыми глазами. В глазах отражались крошечные экранчики.

Незнакомец взглянул на меня.

– Это наша страна, – со вздохом сказал он. – Красивая, правда?.. Надеюсь, теперь вы мне верите?

– А чему тут верить? Плоский транзисторный телевизор. Наверно, на жидких кристаллах...

– Теле... визор? – переспросил он. – Ах да... Нет, это немного не то... – Он протянул руку и... просунул ее в зеркальце. Сквозь стекло! И значит, сквозь мою ногу! Как в окошко... Тонкими узловатыми пальцами он ухватил проплывавшую мимо ветку и дернул. Потом вытащил руку. В пальцах был зажат стебелек с цветком и тремя листиками. Незнакомец протянул его мне. Это был настоящий цветок, живой. От него в самом деле пахло шиповником.

Я немного испуганно посмотрел на ногу: на месте ли? Она была на месте, и зеркальце все сильнее обжигало ее.

– Уберите, горячо, – сказал я.

– О да, простите... – суетливо пробормотал он и схватил зеркальце. Оно сразу погасло.

Я потер обожженную коленку и спросил:

– Вы фокусник?

Он серьезно, даже печально объяснил:

– Я чиновник по особо важным делам, один из первых заместителей правителя острова. Можно сказать, его второе “я”... Не отказывайте мне в просьбе, Рыцарь Оленя. Вы – моя последняя надежда.

– А что за ящер у вас там? – спросил я.

– Жуткое и громадное чудовище, не буду скрывать. Оно держит в страхе весь народ.

– Что же вы... – с усмешкой сказал я. – Целая страна, вон какая волшебная техника у вас, а с каким-то пресмыкающимся не можете справиться?

– Не можем, – покорно согласился он. – Мы многое умеем, а перед этим чудовищем бессильны... В жизни столько сложностей.

– А я, по-вашему, с ним справлюсь? Один?

– Я надеюсь, – откликнулся чиновник по особо важным делам. – Вы не испытываете страха перед Ящером, а это главное. К тому же древние легенды обычно не обманывают.

– А сколько времени займет... вся эта история?

– Два дня. Самое большее три, – торопливо сказал незнакомец.

Я подумал, что бабушка меня не ждет – она не знала, что мама с папой уехали. Значит, никто не стал бы беспокоиться обо мне в эти дни...

И вдруг я сообразил, что обо всем думаю всерьез! Будто поверил сказке про остров Двид! А я и в самом деле поверил...

Наверно, этого не случилось бы днем. Но сейчас были сумерки, необыкновенная луна за черными листьями, загадочное зеркальце, непонятно откуда взявшийся цветок... Все это как-то завораживало.

– Значит, вы согласны?! – обрадованно воскликнул незнакомец и встал.

Разве я сказал, что согласен? Я поплотнее прижался к скамейке, чтобы никуда не ходить с этим человеком. Но через секунду поднялся. Сам не знаю, почему.

– Идемте, – ласково сказал он. И я пошел за ним. По пути я опять подумал, что лучше бы рвануть к бабушке. Но не рванул. Стыдно было. И кроме того... я надеялся оказаться в настоящей сказке.

Мы вышли к изгибу берега. Там за высокими березами была привязана лодка с тонкой мачтой. Незнакомец неловко забрался в лодку и сказал мне:

– Садитесь.

Я медленно, будто против желания, отошел к береговым кустам и спрятал в частых ветках меч и щит. Замаскировал.

– Зачем вы их бережете? – спросил незнакомец. – У нас вы получите настоящее оружие и сможете оставить его себе навсегда.

– Но им же нельзя будет играть...

– Ах да... – пробормотал он.

Я подержал в ладони кинжал Толика и снова сунул за пояс. Не хотелось мне с ним расставаться.

– Я вас жду, Рыцарь... – со сдержанным нетерпением напомнил незнакомец.

Последний раз какие-то предохранители толкнули меня назад, к дому. Я даже качнулся. Однако ноги сами по себе шагнули к борту...

– Садитесь на корме, там удобней, – предложил незнакомец. Сам он встал у мачты и потянул шнур. Вверх полез длинный парус – он ярко засеребрился под луной.

– Ветра же нет совсем, – слабым голосом сказал я.

– Это неважно... – Незнакомец оттолкнулся шестом и сел рядом со мной. Лодка пошла сначала тихо, потом все скорее. Громко зажурчала вода.

“В самом деле волшебство”, – подумал я, но не очень удивился. Мы набирали ход, и встречный воздух зябко обдувал меня. Я передернулся.

– Ох, что же это я... – пробормотал незнакомец. Он снял пиджак и укрыл меня с ногами.

– Да спасибо, не надо... – пробормотал я.

– Привалитесь к спинке и вздремните, – сказал он. – Когда спишь, дорога короче...

Спинка скамьи была удобная, обитая чем-то мягким. Сразу же захотелось закрыть глаза, но я несколько минут сопротивлялся сну.

Слева от нас катилась между маленьких облаков луна. Не отставала. Потом она влетела в темное мохнатое облако и, видимо, увязла в нем. Стало гораздо темнее. В этой темноте незнакомец произнес:

– Меня зовут Ктор Эхо. А как ваше имя, Рыцарь Оленя?

– Женя, – пробормотал я сквозь дремоту. – То есть Евгений... Ушатов...

Первый разговор с Тахомиром Тихо

Ктор Эхо не похитил меня и не причинил никакого вреда. Он в самом деле привез меня на остров Двид.

Как мы причалили, я не знаю. Проснулся я уже не в лодке, а в открытой коляске, которую быстро везли две лошади. Коляску потряхивало на булыжниках мостовой. По сторонам стояли темные деревья, в них изредка мигали фонарики. Небо над деревьями было серовато-синее с большими звездами. Прямо перед нами повис над дорогой громадный месяц. Он висел странно – вниз рогами. Мне вспомнился мяч в темной траве. Где он теперь, этот мячик? Где наше озеро, где Рябиновка? Занесло меня в неведомый край. Куда? Зачем?

Ктор сидел рядом. Его пиджак по-прежнему укрывал меня. Я оттолкнулся лопатками от упругой кожаной спинки и сел прямо.

– Проснулись? – заботливо спросил Ктор. – Вот и хорошо. Скоро приедем.

Через минуту дорога круто повернула, и мы выехали на треугольную площадь. Я увидел башни дома с балкончиками и флюгерами. С одного края темнела зубчатая крепостная стена. Светились окошки и неяркие желтые фонари. Блестели струи фонтана.

Вокруг фонтана парами ходили неторопливые люди. Играла негромкая музыка. Это было похоже на театр.

– Совсем незаметно, что вашу страну кто-то угнетает, – сказал я Ктору.

– Это на первый взгляд, – откликнулся он. – А на самом деле... Да вы увидите.

– А почему такой месяц в небе? – спросил я.

– Это особенность нашей атмосферы, – охотно объяснил Ктор. – Теплый воздух собирается на высоте в большую линзу, и эта линза сильно увеличивает небесные тела.

Я хотел сказать, что дело не только в увеличенности, но тут мы уехали с площади и впереди стал виден освещенный купол с темным повисшим флагом.

– Дворец правителя, – сообщил Ктор.

Дорога пошла в гору. Мы проехали между рядами светящихся шаров, и лошади стали у невысокого крыльца с каменными вазами по сторонам...

Сейчас мне трудно вспомнить все по порядку. Мы шли переходами и лестницами, нам встречались и молча кланялись одинаковые бесшумные люди в узких серых одеждах. Было как во сне. Наконец мы прошли узким коридором с шарами-светильниками и оказались в круглой комнате. Здесь горела у потолка неяркая лампа, между высокими окнами висели темные ковры (я различил на них фигуры всадников и больших птиц). Было очень тихо, и в этой тишине гулко стучали (вернее, бухали) громадные часы. Они стояли в стенной нише, и бронзовый диск маятника величиной со сковородку медленно ходил туда-сюда за стеклянной дверью.

Посреди комнаты я увидел круглый стол, а на нем вазы с фруктами, блюда под блестящими крышками, кувшины и тарелки.

К столу был придвинут лишь один стул – высокий, черный, с решетчатой спинкой.

Пока я все это разглядывал, два человека внесли второй стул. Они двигались бесшумно и не сказали ни слова. На них была странная одежда: узкие комбинезоны из дымчатого плюша. Плюш закрывал человека с головы до ног, и оставался лишь круглый вырез для лица. Это было похоже на театральные костюмы зверей в драмкружке Дома пионеров. Не хватало только хвостов, ушей и масок. Вместо масок виднелись лица – неподвижные и словно присыпанные розовой пудрой.

Люди ушли.

– Кто они такие? – спросил я шепотом Ктора. – И эти, и в коридорах... Все какие-то одинаковые.

– Слуги Ящера, – сказал Ктор.

– Какие слуги? Какого Ящера? Того... чудовища?

– Ну, не совсем так... Скорее это просто название. Их дело – поддерживать равновесие порядка на острове. Короче говоря, это что-то вроде дворцовой гвардии. Охрана правителя и полиция...

У меня все перепуталось в голове.

– А разве правитель... Я не понимаю: он против Ящера или за него?

Ктор насмешливо улыбнулся:

– Вы сами увидите. Я предупрежу его, что вы уже здесь, и он поспешит встретить вас...

Подождите две минуты.

Он вышел. Довольно долго я был один. Стоял, оглядывался, слушал буханье часов. Наконец в комнате появился кругловатый низенький человек в полосатом костюме. Он выскочил из двери, остановился передо мной, заулыбался и слегка развел руки. Весело сказал:

– А, это вы и есть юный герой, которого отыскал Ктор? Приветствую вас, Рыцарь Оленя, на острове Двид!

– Здравствуйте... – неловко отозвался я.

– Меня зовут Тахомир Тихо. Я – правитель этого острова.

Я не знал, что делать. В кинофильмах рыцари перед разными правителями и вельможами кланялись и расшаркивались. Но не мог же я, в самом деле, раскланиваться, как придворный.

Кажется, я глупо засопел, покраснел и сипло сказал:

– Очень приятно.

– Мне тоже приятно! – воскликнул Тахомир Тихо. – Приятно видеть такого храброго юного воина! Я рад познакомиться и рад поужинать с вами. Прошу к столу.

Правитель сел, и я устроился напротив него на краешке стула. Сразу возникли откуда-то плюшевые слуги Ящера и начали накладывать на тарелки овощи и жареное мясо.

– Не стесняйтесь, – предложил правитель. – Дорога была дальняя, вы проголодались, а дело предстоит серьезное... Я восхищаюсь вашей смелостью, хотя, по правде говоря, не одобряю эту затею...

Я начал жевать, но тут чуть не подавился.

– Не одобряете? А зачем позвали?

Тахомир Тихо опять заулыбался, и щеки у него стали как два спелых яблочка.

– Это не я. Это Ктор. Он у нас романтик... Он считает, что надо бороться с каким-то гнетом! А где этот гнет? Как бороться?

– Разве Ящер не угнетает ваш остров? – нерешительно спросил я.

– Да какое это угнетение? Ящер в общем-то умное и незлое существо. Просто у него очень чуткая нервная система. Он реагирует на любое нарушение в равновесии порядка... Ну и... если, конечно, нарушений много, если равновесие под угрозой, наш Ящер сердится. Да. Было два случая, когда он в гневе разрушал город. Но я спрашиваю, кто виноват?

“Ничего себе! – подумал я и похолодел. – И с таким чудищем я должен сражаться?”

– А давно это было... эти случаи? – слабым голосом спросил я.

– Конечно, давно! Почти три столетия назад! С тех пор люди живут мирно, спокойно, не нарушают законов, и Ящер тоже спокоен! Только раз в месяц он выходит из озера и смотрит: все ли в порядке? А затем тихо укладывается на дно...

“Чушь, не разрушал он город, – с облегчением подумал я. – Это просто легенда. Мало ли что могли напридумывать за триста лет. А Ящер – наверно, доисторическое пресмыкающееся, которое уцелело в этом озере. Как-нибудь справлюсь...”

Ну в самом деле! Ведь во всех сказках, историях и фантастических фильмах если мальчишки попадали в волшебные страны, если сражались с чудовищами, то всегда выходили побе-

дителями. Значит, есть такой сказочный закон, и этот закон на моей стороне. Чего же мне бояться?

И я довольно храбро спросил Тахомира Тихо:

– А что, разве раньше не находились люди, которые хотели победить Ящера?

– Ну, почему же? Были... – сухо зато ответил правитель.

– И... чем кончалось?

– Как видите, Ящер здоровствует.

Мне опять стало неудобно. Но я вспомнил о сказочном законе и сообразил, что те неудачники были не главные герои сказки, а я – главный. И спросил снова:

– Если вы так жалеете Ящера, почему тогда разрешили Ктору, чтобы он устраивал бой? Непонятно что-то...

– А что я мог сделать? – воскликнул Тахомир Тихо. – Раз легенда говорит о юном рыцаре, я не имею права препятствовать! Надо уважать традиции! Я не тиран какой-нибудь, я все по закону... Если полагается бой с Ящером – деритесь!.. Только зачем? Кому это нужно?

– Неужели никому не нужно?

– Ну, встречаются изредка люди, которым все у нас не нравится, – неохотно признался правитель. – Хочется им чего-то нового! Все время им спорить надо, протестовать, в космос летать, открытия делать! Только это крайне редкие чудачки. Чаще всего дети. А вообще-то народ живет разумно. Тихо, но зато счастливо. Нет у нас ни бедности, ни голода, ни болезней. У нас все довольны жизнью, да! У нас равновесие порядка...

– Такое “равновесие”, что никто на Земле про вас даже не знает, – усмехнулся я.

– И слава богу! – вскричал он. – В этом наше спасение... Да вы кушайте, кушайте, вот апельсин... Если бы про нас узнали, тогда что? Сделали бы наш остров пристанищем для туристов? Или военной базой? Или начали бы раскапывать, искать всякие руды и нефть? Научили бы жителей воевать, ссориться, мечтать о богатстве, бездельничать? Нет уж, увольте, мы проживем сами. С Ящером или без Ящера, но одни. Нам с этими чужеземными влияниями одно горе. Стоит хоть какой-то капельке просочиться из-за границы – и началось...

Он даже побледнел слегка. Помолчал, побарабанил пухлыми пальцами о край тарелки с ломтиками ананаса. Проговорил с легкой дрожью:

– Взять хотя бы эту кошмарную книгу... Откуда она к нам проникла?.. Про трех головорезов. Даже про четырех... Скачут на лошадях, машут шпагами, обманывают королевского министра! Палят из пистолетов!.. После этого по всему городу стук пошел: понаделали деревянных сабель и давай! А в кустах только и слышно: “Пиф-паф! Пиф-паф!” А при чем тут пиф-паф, если на острове давно нет огнестрельного оружия... Вы не поверите, пришлось главному прокурору издавать специальный указ, чтобы навести порядок. А я в эти дни платил воспитателям двойное жалованье... Да вы кушайте, не стесняйтесь, Рыцарь...

Он перегнулся через стол, чтобы налить в мой стакан апельсинового сока. И я совсем близко увидел его лицо. И разглядел, что румянец состоит из множества красных прожилок. В глазах – таких же маленьких и круглых, как у Ктора, – тоже были красные прожилки.

– А что плохого, если ребята играют? – спросил я.

– Играют? – испуганно изумился он. – Все игры изложены в специальных правилах, их изучают в школах и воспитательных павильонах. А если каждый начнет играть как вздумается, что будет с равновесием порядка? И как отнесется к этому Ящер?

“Тьфу на вашего Ящера, – сердито подумал я. – Тоже мне, “счастливое государство”...

А Тахомир Тихо пробормотал:

– Сначала они “играют”, потом им хочется удрать из дома. Потом еще чего-нибудь захочется... Один даже додумался: плохо, говорит, что наш остров невидимый...

– А если он вдруг станет видимым? – с подковыркой спросил я. – Тогда что будете делать?

– Нет уж, – с удовольствием ответил Тахомир Тихо. – Не станет! Для этого пришлось бы изменить наклон земной оси, чтобы лучи солнца рассеивались в нашей атмосфере под иным углом... Когда-нибудь это, возможно, и случится, но очень-очень не скоро... Хотите еще соку?

Но я не хотел уже ни есть, ни пить. Ни разговаривать. Я смертельно хотел спать, у меня слипались ресницы...

Пушинка на рукаве

Меня разбудил Ктор Эхо.

Я лежал на узком диване с высокой резной спинкой. За медной решеткой окна было солнечное утро. Ктор сказал:

– Вчера вы так утомились, что задремали у стола... Я уложил вас в своем кабинете.

Значит, Ктор, Тахомир Тихо, Ящер – это все по правде? Не сон?

Я медленно приподнялся на локте. Я не мог понять: хорошо мне или плохо? Радуюсь я или тревожусь, что попал сюда?

– Скоро завтрак, – сказал Ктор.

Я откинул пушистый плед и стал одеваться. Потом спросил:

– А где умыться?

– Можно пройти в парк, там фонтаны. Только не отходите далеко от дворца...

Ктор провел меня вниз по винтовой лесенке и толкнул небольшую дверь.

– Погуляйте, я приду за вами...

Я шагнул на белый песок тропинки.

Нет, все-таки хорошо, что я оказался здесь! Я вздохнул, и все жилки во мне зазвенели от радости. Потому что было такое синее небо, и такой замечательный воздух, и такая красота вокруг!

Висели на кустах темные и белые розы, громадные, как воздушные шары. На лужайках качались ромашки величиной с блюдце. Бугристые стволы деревьев были сплетены выюнками. Желтые цветы-шарики выюнков горели, как маленькие солнышки.

Среди веток и листьев громоздились камни, покрытые скользкой зеленью. С камня на камень сыпались маленькие водопады. У подножия этих камней я увидел мраморную девочку. Она была как живая: сидела на корточках и подставляла под струи ладошки.

Я умылся рядом с девочкой, расчесал пятерней волосы и побрел наугад по извилистой тропинке. Она вывела меня к беседке с витыми белыми столбиками.

Звенели и пересвистывались птицы.

Беседка стояла на пригорке, и я увидел с высоты город. Столицу острова Двид.

Не верилось даже, что есть у них тут какой-то Ящер, какие-то несчастья, угнетение. Такой замечательный был город, такое радостное утро!

По зеленым склонам тянулись улицы с невысокими белыми домами, галереями, террасами. От верхних улиц к нижним спускались пологие лестницы, а по краям их стояли белые статуи. Я не мог разглядеть их издали, но чувствовал, что они очень красивые. Кое-где поднимались развалины крепостных башен и цветные колоннады.

Но больше всего мне понравилось громадное сооружение, похожее на мост или на старинный римский водопровод. Его великанские арки вздымались над крышами, над башнями. Они были белые-белые и сияли среди зелени и на синем небе...

Я оглянулся на дворец. Он был небольшой, но тоже очень красивый: с желтыми стенами, с белыми карнизами и колоннами, с высоким серебристым куполом. Над куполом струился по ветру большой голубой флаг. Что-то золотилось на нем. Я присмотрелся, и показалось мне, что на голубом шелке виднеется голова с громадными глазами и пастью (так оно потом и оказалось).

Сойдя с пригорка, я прошел среди цветущих кустов и скоро наткнулся на высокую садовую решетку. За решеткой был тротуар из разноцветных плиток, булыжная мостовая и двухэтажные белые дома. Их балконы и стены опутывала зелень.

Я двинулся вдоль решетки и увидел калитку. Вышел на улицу. Мне очень понравился тротуар: его плитки складывались в узоры, как на ковре, и я медленно зашагал, глядя под ноги...

– Стой! – раздался визгливый вскрик. Я вздрогнул. Передо мной стоял длинный человек в удивительной одежде: коричневом балахоне до пят и шапке с кисточкой. Шапка была очень странная – оранжевая ермолка, а на нее ребром насажен черный треугольник. Белая кисточка моталась у нижнего угла, а на верхушке треугольника золотилась вышитая цифра 8.

У незнакомца было очень маленькое лицо, нос пуговкой и круглые водянистые глаза.

В этих глазах я увидел растерянность и удивление.

– Ты... что? – спросил незнакомец тонким голосом.

– Что? – сказал я.

– В каком ты виде?

– В каком?

Я оглядел себя. Майка с оленем довольно чистая. Штаны помятые? Но я же не в театре и не на параде...

Человек в шапке-треугольнике протянул к моей коленке тонкую трость.

– Это что?

– Это? – удивился я. – Синяк... А что такого?

У него побелело лицо.

– Ты говоришь так, словно это медаль за примерное поведение!

Я мигал и ничего не мог понять. А он продолжал:

– Синяк! Откуда у нормального мальчика может быть синяк? Ты лазил по заборам? Или... – он перешел на шепот и слегка нагнулся, – может быть, ты гонял ногами надутый кожаный шар? Где? С кем?

“Больной, что ли?” – подумал я и спросил:

– Разве нельзя мячик погонять?

Он хотел что-то сказать, но будто подавился от возмущения. Выпрямился, потом опять согнулся. Протянул к моей голове ладонь:

– У тебя жар?

Я откачнулся. В это время позади раздалось звонкое щелканье подошв. Лицо у незнакомца изменилось, он глянул мимо меня. Я посмотрел назад. Через дорогу шагал вприпрыжку мальчик с большой сумкой. Веселый такой парнишка, немного веснушчатый, похожий на моего одноклассника Владика Цветкова, только в непривычном костюме. В синей курточке с широким белым воротником (как у матроски, но без полосок), в смешных желтых штанах до колен – они были широкие, с пришитой внизу длинной бахромой. “Ну и моды в здешних краях”, – подумал я.

Мальчик нас не видел.

– Стой! – сказал длинный незнакомец.

Мальчик замер, будто в остановившемся кино – в один миг. Потом боязливо повернул к нам лицо.

Мой собеседник поманил мальчишку длинным, как карандаш, пальцем. Мальчик сделал несколько шагов и низко нагнул голову – то ли поклонился, то ли просто понурился.

– Никуда не уходи, – строго предупредил меня незнакомец и повернулся к мальчишке.

– Почему ты неприлично скачешь и стучишь башмаками, нарушая тишину прекрасного утра?

Мальчик совсем поник головой.

– Отвечай! – тонким голосом потребовал незнакомец.

– Я спешил в школу... – пробормотал мальчик.

– Разве в школу надо спешить? В школу надо выходить вовремя и являться точно в установленный срок. А ты, наверно, бегал по пустырям с другими бездельниками. Так?

– Нет, господин квартальный воспитатель, я не бежал, честное слово, – поспешно проговорил мальчик.

– А почему у тебя курточка в мусоре?

Квартальный воспитатель брезгливо снял с мальчишкиного рукава соринку.

– Это пушинка от тополя. У нас во дворе цветет тополь... и вот... она нечаянно прилипла...

– Надо быть внимательным и опрятным... Дай твою карточку.

Мальчик достал из нагрудного кармашка розовый квадратик. Не поднимая головы, протянул квартальному воспитателю. Тот недовольно сказал:

– Какая она у тебя потертая! И сколько дырок... – Он вынул из складок своего балахона блестящие щипцы с зубцами в виде драконьих головок.

Мальчик быстро поднял перепуганные глаза.

– Господин квартальный воспитатель, пожалуйста, не надо! Если вы проколете, меня сегодня накажут!

Драконьи головки с громким щелчком прокусили розовый картон. Мальчик вздрогнул.

– Если тебя накажут, значит, это необходимо, – наставительно сказал квартальный воспитатель. – Виноватый всегда должен нести наказание, чтобы сохранялось равновесие порядка. Разве тебя этому не учили? Отвечай.

Мальчик снова понурился и прошептал:

– Учили...

– В таком случае ты должен понимать, что наказание принесет тебе пользу. Разве не так?

– Так.

– Тогда почему же ты не благодаришь?

– Благодарю вас, господин квартальный воспитатель, – совсем тихо проговорил мальчик, и ресницы у него заблестели.

– Отвечай как следует.

– Благодарю вас, господин квартальный воспитатель! – звонким от слез голосом сказал мальчик.

– Прекрасно, можешь идти. И веди себя примерно.

Мальчик повернулся и побрел с опущенными плечами. Будто совсем не он минуту назад весело скакал по мостовой.

“Вот шкура!” – подумал я о квартальном воспитателе номер восемь. А он словно услышал эту мысль и сердито повернулся.

Но тут поспешно подошел Ктор Эхо. Что-то сказал на ухо воспитателю, а меня взял под руку.

– Ну что же вы, Евгений! Я попросил не уходить далеко от дворца...

– Разве я далеко?

– Идемте завтракать.

Мы пошли к калитке. Там я оглянулся. Квартальный воспитатель изумленно смотрел нам вслед. Я не выдержал и показал ему язык.

Встречи в городе

Мы позавтракали с Ктором в круглой комнате. Потом слуга Ящера принес голубой шелковый плащ с серебристыми застежками. Ктор набросил его мне на плечи.

– Вот так будет лучше. Накидка закроет ваши “боевые шрамы”, которые приводят в ужас квартальных воспитателей.

– Ряса какая-то, – сердито сказал я.

– Ничего, здесь так принято... Сейчас мы погуляем...

– А когда бой? – спросил я нетерпеливо.

– Бой завтра. Именно завтра Ящер должен показаться из озера. А пока я познакомлю вас со столицей.

Мы с Ктором долго ходили по улицам. Красивый здесь город, зеленый, тихий. Много фонтанов. И еще много разных развалин: башен, стен, храмов. Сразу видно, что страна эта древняя.

Я разглядывал людей. Мужчины были в просторных костюмах и широких шляпах, женщины – в длинных разноцветных юбках и пестрых накидках. Все спокойные и неторопливые. И вот что я заметил: все они казались одного возраста – тридцати или тридцати пяти лет, румяные, здоровые. Нигде не было видно юношей и девушек. Я сказал об этом Ктору. Он слегка удивился:

– А зачем они?

Я тоже удивился:

– Как зачем? Ну... я не знаю. Ребята же растут, превращаются в молодежь.

– У нас не превращаются, – объяснил Ктор. – На острове так воспитывают детей, что они сразу становятся взрослыми. Крепкими, работающими, спокойными.

– А... как же? Сперва мальчик, а потом сразу... такой вот дядька?

– Да, очень быстро. И никаких забот. А с молодежью сколько было бы возни! Это очень опасный народ. Им все время лезут в голову нелепые мысли: хочется чего-то изменить, куда лететь, строить что-то непохожее на старое... Слава богу, мы от этого избавились...

– Ради равновесия порядка и любимого Ящера, – с насмешкой сказал я.

– Вот именно, – откликнулся Ктор Эхо, и я не понял: тоже с насмешкой или серьезно.

Несколько раз нам встретились школьники. Ребята шли длинными цепочками в затылок друг другу. С опущенными плечами, молчаливые и очень послушные. Сзади и спереди вышагивали воспитатели в коричневых балахонах и с номерами на шапках-треугольниках. Мальчишки были в таких же, как у меня, плащах или в курточках и штанах с бахромой, которая смешно моталась вокруг тонких ног. А девочки – в разноцветных платьицах и пестрых передниках.

Как-то не вязался этот яркий наряд с их поникшим видом...

Часто попадались навстречу слуги Ящера – с одинаковыми розовыми лицами. Все они с ног до головы были затянуты в серый плюш. Даже на пальцах – плюшевые перчатки. Вот, наверно, мучились от жары бедняги! Я хотел сказать об этом Ктору, но услышал пронзительный голос:

– Последние новости! Слушайте, дорогие жители острова Двид! Наша жизнь течет спокойно и счастливо, хвала нашему чуткому и доброму Ящеру!..

Из-за угла на середину улицы вышел очень странный человек: в грязном белом цилиндре, коричневом длинном пиджаке и узких клетчатых брюках. Он странно выворачивал и скидывал ноги, будто они сгибались в коленях во все стороны. Голова на тонкой шее вер-

телась, руки невпопад мотались. Человек запрокидывал голову и с какой-то натужной веселостью вопил:

– Слушайте, почтенные горожане. Все спокойно на острове! Вчера вечером скончался уважаемый Дагомир Как, торговец клеем, красками и мороженым! Мы погорюем о нем положенное время, но скоро наша печаль сменится тихой радостью, потому что мы живем на острове Двид! Наша жизнь приятна и радостна, почтенные соотечественники! Сегодня после обеда мы соберемся на главной площади для субботних танцев! Приходите танцевать, жители столицы!

Взягивая и дергаясь, человек прошел мимо нас. На его запрокинутом лице сияла блаженная улыбка. Я подумал, что это городской сумасшедший, и вопросительно посмотрел на Ктора. Ктор сказал с усмешкой:

– Это наш славный Крикунчик Чарли. Наша живая газета. Он всегда там, где самые важные события...

– Разве у вас нет радио?

– Ра-дио?.. Ах да, есть... Но Крикунчик – это наша традиция, к нему все привыкли. Кое-кто считает, что он чересчур шумлив, но все его любят. За то, что он любит наш остров, где царит незыблемое равновесие порядка...

И опять я не понял: всерьез говорит Ктор или с иронией?

– Если бы мы объявили о танцах по городскому слухопроводу, никто бы, пожалуй, не пришел. А Крикунчик Чарли умеет созвать народ.

Я видел эти танцы. Они были устроены на треугольной площади, которую мы проезжали накануне. Откуда-то доносилась плавная музыка, и под нее неторопливо двигались пары: широкоплечие дядьки и румяные женщины. Танцоры сходились, расходились, перемещались по кругу, раскланивались...

Иногда музыка замолкала, и тогда начинал верещать Крикунчик Чарли. Он, дергаясь, вышагивал среди танцоров.

– Прекрасная вещь – субботние танцы! Мы замечательно веселимся, не правда ли, почтенные жители столицы? Как приятна эта милая музыка!

Милая музыка мне показалась однообразной, все танцы были похожи один на другой. Я дернул Ктора за рукав и хотел спросить, нет ли в этом городе кино или зоопарка. Но музыка внезапно оборвалась, раздался звон громкого колокольчика.

Через площадь ехало странное сооружение: высокая ступенчатая пирамида, обитая грязно-розовой материей. Пирамида была на больших дутых колесах. Ее тащила смиренная серая лошадка. По углам пирамиды на ее нижних ступенях сидели слуги Ящера. А на верхней площадке, метрах в четырех от земли, возвышались два квартальных воспитателя. Они стояли, как на капитанском мостике: смотрели вперед, а руки положили, будто на поручень, на тонкую перекладину, укрепленную поверх деревянных столбиков.

Наступила тишина, а потом Крикунчик Чарли восторженно завопил:

– О, вот она, добрая наша старая колесница справедливости! Кто не вспомнит милые школьные годы, глядя на ее скрипучие ступеньки! Ха-ха, кое-кто боялся ее в детстве, но как мы благодарны ей теперь! Не правда ли, дорогие горожане?!

Раздались негромкие аплодисменты. А Крикунчик выскочил перед пирамидой и зашагал впереди лошадиной морды. Он дергался и выкрикивал:

– Вот она едет, наша милая розовая повозка! Она никому не позволит нарушить равновесие порядка! Ну-ка, где вы, лентяи, неряхи и любители недозволенных игр?!

Лошадь не обращала на Крикунчика внимания – видимо, привыкла. Квартальные воспитатели тоже не изменили своих капитанских поз. Они стояли как деревянные. Один воспитатель был коренастый, круглолицый, с широким желтым воротником на балахоне. Другой –

тощий и высокий. Я сперва подумал, что это мой утренний знакомый, но потом увидел, что номер на его шапке другой.

“Колесница справедливости” пересекла площадь и въехала в переулок, но все еще были слышны вопли Крикунчика.

– Что это за чудо на колесах? – настороженно спросил я Ктора.

Он усмехнулся и сказал:

– Пойдемте, вам будет полезно посмотреть.

Мы пошли следом за пирамидой.

Квартала через два пирамида остановилась у белого аккуратного домика. Мы с Ктором отошли к изгороди. У меня от долгой ходьбы по городу гудели ноги, и я присел на покрытый черепицей выступ.

Длинный воспитатель высоко поднял руку с колокольчиком и позвонил. Прошло полминуты. На крыльце показался краснощекий дядька. За руку он держал бледного светлоголового мальчика лет десяти. Дядька что-то сказал сердитым шепотом, выпустил руку и подтолкнул мальчика с крыльца. Тот сделал несколько шажков, потом замер. Перепуганно смотрел на верхушку розового помоста.

Длинный воспитатель, подобрав подол, спустился с площадки и взял мальчика за локоть. Сказал почти ласково:

– Пойдем, голубчик.

Я увидел, как у мальчика подогнулись коленки. Он заговорил громким от отчаянья голосом:

– Но это, наверно, ошибка! Честное слово! У меня всего три прокола!

– Ха-ха! – заверещал Крикунчик Чарли. – Вы слышали? Всего три прокола! Радостный покой и благонравие все больше укрепляются на нашем острове, и три нарушения порядка за неделю – это совсем не мало в наши дни! Ни у кого на улице Зрелых Апельсинов нет проколов больше, чем у этого мальчишки. А он еще говорит про ошибку!

Длинный воспитатель поморщился и недовольно покосился на Крикунчика, но мальчику сказал:

– Ты слышал, что говорит господин Чарли? Ступай наверх.

Он повел мальчика по лесенке. Тот опустил голову и сначала не сопротивлялся, но на верхней ступеньке слабо дернулся. Сказал со слезами:

– Я не хочу...

– Как не хочешь? – громко удивился воспитатель. – Разве ты собираешься поколебать равновесие порядка и вызвать гнев Ящера?

Он потянул мальчика, и они поднялись на площадку.

– Не надо... – последний раз проговорил мальчик, но четверо слуг Ящера обступили его, засуетились, а когда разошлись, он оказался в одной коротенькой рубашонке. Слуги растянули его руки на низкой перекладине и примотали какими-то серыми лентами...

Мне показалось, что кругом очень тихо, но это была тяжелая тишина, будто уши залепило пластилином. В руке у коренастого воспитателя появилось что-то вроде маленького черного удилища. Мои пальцы так сдавили черепичную плитку, что она треснула, и плоский осколок остался в ладони.

Воспитатель взмахнул удилищем. Тугую тишину прорезал короткий шелест и сразу – отчаянный вскрик. К горлу у меня подкатила горячая тошнота. Я вскочил и со всей силой метнул черепичную пластинку в этого подлого палача.

Я не попал. Черепица ударилась о столбик и разлетелась. Но, кажется, осколками этому гаду все же досталось. Он уронил хлыст и зажал рожу растопыренной пятерней. Крикунчик Чарли завопил что-то непонятное. Лошадь дернулась, помост закачался. Слуги Ящера суетливо попрыгали вниз и направились ко мне.

Но плевал я на них! Я видел распятого на перекладине мальчишку и хотел, чтобы его отпустили! Я оторвал еще кусок черепицы!

Ктор крепко ухватил меня за плечи, а слугам и всем собравшимся громко сказал:

– Успокойтесь! Это Рыцарь Оленя. Он пришел к нам, чтобы вызвать на поединок Ящера!

Они окаменели, я увидел черные открытые рты. Я рванулся к помосту на помощь мальчишке.

– Отпустите его! Вы! Фашисты!

Ктор ловко дернул меня назад, утянул в калитку, захлопнул ее. Я с яростью повернулся к нему.

Ктор сказал:

– Да успокойтесь же, его отпустят. Сейчас его никто не тронет... Нельзя же быть таким несдержанным.

– Надо было оставаться сдержанным?! – со звоном спросил я.

– Ну, ладно, ладно, – пробормотал он. – Сейчас уже все равно. Может быть, это и к лучшему... Только давайте возвратимся во дворец.

Я как-то сразу ослабел. Прислонился к калитке. Испугался, что зареву, как маленький, и зло сказал:

– Ну и страна у вас...

– Вот такая страна. Остров Ящера... По крайней мере, будете знать, за что деретесь...

Теперь я знал. Я локтем оттолкнулся от калитки и хмуро сказал:

– Идемте...

Дворик, в который мы попали, оказался проходной. Мы вышли в тихий переулок и скоро уже были во дворце. Остаток дня я провел в кабинете Ктора. Он показывал мне какие-то старинные книги и монеты, но я машинально кивал и все время видел перед собой этот гнусный розовый помост. И тоненького светлогоголового мальчишку...

Вечером пришел оружейник. Он снял мерки с моей правой руки и с головы. Для меча и шлема.

Ужинал я один – все в той же круглой комнате с бухающими часами. Ктор куда-то ушел, а Тахомир Тихо не появлялся. После ужина Ктор отвел меня в спальню с высокими окнами и громадной кроватью. Белые светящиеся шары у стен медленно потускнели. Я лег и стал думать про завтрашний бой. Он меня не пугал. Я по-прежнему помнил, что в таких боях рыцари всегда побеждают чудовищ.

Интересно, какой он, этот Ящер? Наверно, у него перепончатые лапы, гребень на спине и змеиная голова на длинной тонкой шее. Надо будет обмануть чудовище. Я увернусь от головы, проскочу под шею и снизу ударю мечом по драконьему горлу.

Я был уверен, что все так и случится.

А розовый помост мы с ребятами сожжем на площади. Интересно, что при этом будет верещать Крикунчик Чарли?

Ящер

Я проснулся на громадной, как стадион, постели. По грудам подушек, по белому атласному одеялу прыгали солнечные зайчики – желтые, красные, синие. Это за окном с разноцветными стеклами качались ветки, а сквозь них били утренние лучи.

Я сразу все вспомнил – где я и что меня ждет. И ничуть не встревожился. Что плохого может случиться в такое солнечное утро? Я, как и вечером, подумал, что битвы рыцарей с драконами всегда кончаются плохо для драконов.

Плюшевый слуга Ящера выступил из угла и шелестящим голосом сказал:

– Пора вставать, Рыцарь Оленя.

Я быстро натянул одежду.

– Умойтесь, Рыцарь Оленя, – опять прошелестел слуга. Он держал длинный медный кувшин и наклонял его над большим тазом.

Да что у них, до сих пор водопровод не изобрели? Вчера фонтан, сегодня кувшин... А может быть, это такой обычай, чтобы рыцари перед битвой умывались как в старину?

– Мыло-то у вас есть? – спросил я.

Слуга поклонился и протянул мне желтый увесистый кусок. От куска пахло горькой травой. Но все-таки это оказалось настоящее мыло.

Вода была холоднющая, но я вымыл лицо и шею. Этот плюшевый тип начал вытирать меня мохнатым полотенцем. Я вырвался... и вдруг вспомнил маму. Когда я учился в первом классе, она по утрам торопливо подталкивала меня к умывальнику, потом сама вытирала мне лицо и приговаривала: “Пошевеливайся же ты... Ну почему ты такой копуша? Опять опоздаешь в школу...”

Я коротко вздохнул: далеко-далеко мама и папа. И даже не догадываются, где сейчас их Женька.

Ну ничего! Разделаюсь сегодня со здешним драконом – и сразу домой...

– Вот ваше оружие, Рыцарь Оленя...

Слуга теперь держал на вытянутых руках прямоугольный щит, а на щите лежали блестящий меч и красивый медный шлем с гребешком из черной щетины.

Я взял меч. Он был длинный, но тонкий и не тяжелый. Как раз по руке. Я хотел помахать им, но постеснялся плюшевого зрителя. Примерил шлем. Он тоже оказался как раз для меня. Закрывал всю голову, шею, лоб, уши. А стальная стрелка защищала переносицу.

Щит был обит черной кожей, а на ней поблескивало выпуклое изображение оленя из какого-то зеленого металла. Надо же! Успели специально для меня сделать! Я просунул руку в плотные кожаные кольца. Щит оказался лишь немного тяжелей моего фанерного.

И вот я стоял в полном вооружении, прямо хоть сию минуту в бой.

– Вы готовы, Рыцарь Оленя? – спросил слуга.

Что? Прямо сейчас?

– Поесть-то хотя бы дадите? – сердито проговорил я.

– Идемте. Завтрак внизу.

Я оглянулся на громадную кровать: на раскинутые подушки и смятое одеяло. Если бы я дома не убрал за собой постель, мама дала бы мне жизни! Но, наверно, рыцарям перед битвой не положено возиться с домашней уборкой... И я не стал ничего делать, только взял из-под подушки свой ключ на шнурке (а то потеряется здесь) и деревянный кинжал – на счастье.

По темной лестнице, над которой горели желтые фонари, мы спустились в круглую комнату. Из другой двери выкатился правитель Тахомир Тихо.

– А! Вот и наш герой, – проговорил он со сдержанной улыбкой и слегка поклонился. – Садитесь, Рыцарь Оленя. Подкрепитесь перед боем, который вас ожидает.

Я оставил оружие у дверей и сел. На столе опять стояли разные тарелки и вазы, и на них было много всего. Но я вдруг почувствовал, что не хочу есть. От волнения. Это было не боязливое волнение, а, наоборот, праздничное. Примерно такое же, как перед пионерским парадом, когда я впервые шел в шеренге горнистов... В общем, я сжевал яблоко и больше ни на что не посмотрел. Встал.

Тахомир Тихо тоже встал.

– Я вижу, вы готовы, – сказал он. – Что ж, самое время. – И он посмотрел на часы, которые все бухали и бухали, качая громадный маятник. Сердце у меня тоже слегка забухало, но опять не от страха. От неизвестности и близких приключений.

Правитель снова улыбнулся:

– Сами понимаете, моя должность не позволяет мне желать вам успеха. Поэтому я скажу так: пусть все решит судьба... На место боя вас проводит Ктор. Прощайте, Рыцарь Оленя.

– Прощайте, – отозвался я. Последние слова Тихо мне очень не понравились, но я отогнал тревогу. Отошел к двери и стал надевать снаряжение. Через минуту появился Ктор Эхо. Я ему обрадовался.

– Приветствую вас, Евгений, – сказал Ктор без улыбки. – Я вижу, вы настроены бодро и уверены в успехе...

– А вы? – спросил я, и тревога опять кольнула меня.

– Это неважно, – ответил он. – Главное, что уверены вы. Идемте.

Мы прошагали через сад и вышли на улицу. Перед воротами дворца было пусто. Только в окнах домов торчали тут и там неподвижные, как маски, лица. Зато поодаль на тротуарах стояло множество молчаливых людей, а на мостовой выстроился четырехугольник слуг Ящера. На них были плоские каски, а поверх плюшевых комбинезонов – кольчуги с медными бляхами. Над касками торчали копья. Их наконечники были похожи на узкие двурогие вилы.

Не понравилось мне все это молчание. Ктор понял меня и мягко сказал:

– Вы не должны обижаться на людей, Евгений. Они боятся вас приветствовать. Их запугивали всю жизнь, и они думают: “А что нам будет, если победит не рыцарь, а Ящер?”

– Подумаешь! – бодро ответил я. – Больно нужны мне приветствия... – Однако настроение слегка угасло.

Мы двинулись вниз по улице. Почти сразу ухнули сзади дружные шаги. Я оглянулся. За нами неторопливо маршировал вооруженный строй.

– Зачем они?

– Не волнуйтесь, – с усмешкой сказал Ктор. – Когда вы победите, они станут выполнять все ваши приказы... А народ будет рукоплескать и кричать “ура”.

“Тоже мне, народ, – подумал я, вспомнив краснощеких мужчин и сытых дам на площади. – Как драться – их нету, а рукоплескать – пожалуйста”. Но тут же я вспомнил мальчишку на розовом помосте, и пальцы у меня стиснулись на рукояти.

Улица уступами спускалась с холма, а кругом на склонах раскинулся город. Такой красивый! И утро было такое свежее, чистое! Пахло мокрой зеленью и еще чем-то знакомым, похожим на запах цветущих одуванчиков, хотя самих этих цветов я не видел. Солнце стояло невысоко, но было уже горячее. Оно светило мне в спину и грело сквозь майку.

Среди зелени ярко белело кружево старинного моста...

Неужели я не смогу освободить от Ящера эту прекрасную землю?

Улица вывела нас из города. Неширокая дорога пролежала среди кустов и невысоких пригорков. На пригорках я увидел людей. Эти люди устанавливали на треногах какие-то приборы, похожие на громадные гармошки: не то фотоаппараты, не то телекамеры.

На ближнем холмике, совсем недалеко от дороги я разглядел вертящую фигуру Крикунчика Чарли. Он крутился среди тех, кто устанавливал аппарат. Когда я проходил мимо, Крикунчик укрылся за другими людьми.

Кое-где стояли цепочки ребят, а над ними торчали треугольные шапки воспитателей...

Топот вооруженных слуг Ящера затих. Пригорки кончились, и дорога потянулась через луг, похожий на высохшее болото: вперемежку с травой торчал из земли сухой тростник. Иногда он был очень высоким, метелки его качались выше моей головы. За этими сухими метелками вдруг заблестела синяя вода.

– Вот и все, – сказал Ктор и остановился. – Дальше вам надо идти одному, Евгений. Дальше – уже поле боя...

Так быстро? И как-то очень уж просто... Я недоверчиво посмотрел на Ктора. Ктор отвел глаза.

– По правде говоря, – вздохнул он, – мне тоже не хочется, чтобы Ящер видел меня с вами рядом... А вы идите прямо к берегу и ждите. Ящер скоро появится... Ну, я пошел.

Он даже не добавил “желаю победы”. Быстро исчез, только тростинки зашелестели. Мне страшно стало. Но не мог же я отступить. И я пошел к берегу: не по дороге, а прямо сквозь траву и сухие ломкие стебли.

И вышел на плоский песчаный бугорок шагах в двадцати от воды.

Озеро было шириной с километр. На том берегу голубел невысокий лес. В гладкой воде отражались облака. И тихо было. Страх начал угасать. Я опять стал думать, как обману Ящера, когда он вылезет: обегу стороной, поднырну под огнедышащую голову и с размаху садану мечом по длинной шее...

Но скоро ли появится это чудище?

Все было спокойно. Только мне показалось, что озеро в самой своей середине стало слегка вспухать. Вода словно поднималась плоским горбом.

Сердце у меня заперестукивало, я пригляделся. Нет, это не вода вспухала. Это поднимался из озера синевато-серый стальной остров. Его движение ускорялось. И вдруг из воды с ревом и свистом выросла на жуткую высоту башня! С нее рушились водопады...

В первый миг я даже не испугался. Просто остолбенел. Потом, закинув голову, разглядел башню. Это был шар с двумя черно-зелеными кругами. Он стоял на чешуйчатых столбах. Столбы колебались, и шар вверху покачивался, будто аэростат... Я вдруг понял, что это! И задохнулся от ужаса.

Круги – это были зеленые глаза с черными зрачками. Шар – голова. Гибкие столбы – щупальца. Покачиваясь на этих щупальцах, над озером стоял осьминог. Спрут. По форме он был такой же, как обычные осьминоги (я их видел на картинках), но покрыт он не слизью, а, видимо, стальной броней.

А размеры!..

...Когда я был совсем маленький, мне изредка снился жуткий сон: будто я один-одинешенек стою в широком поле, а из-за горизонта показывается лицо. Невыразительное, скучное, с морщинками и родинками. Обыкновенное лицо, но оно размером с полнеба! И эта смесь обыкновенности и громадности замораживала меня мертвым страхом...

Так было и сейчас. Я заледенел и смотрел, не мигая, на чудовище ростом с Останкинскую башню.

Спрут стоял на четырех щупальцах. Четыре других были скручены улитками, и эти громадные “улитки” висели под самой головой. Спрут повел глазами и стремительно выпрямил одно щупальце. На секунду оно повисло над озером, а потом конец его упал на дальний берег. Сначала я ощутил сотрясение земли и увидел, как взволновалась вода, а затем уже услышал громоподобный свист и грохот удара. Над лесом взметнулся дым.

Тут же развернулась вторая “улитка”, и, с ревом рассекая воздух, прямо на меня понеслось другое щупальце.

Я не шелохнулся, только закрыл глаза.

Гигантская “нога” спрута упала на берег шагов за пятьдесят от меня. Словно грохнулся с неба железнодорожный состав. Земля подскочила, мой пригорок вздыбился и сбросил меня в траву.

Шлем с меня скатился, меч отлетел. Только щит удержался на левом локте. Я опрокинулся на спину. Опять как от взрыва подскочила земля: это приподнялось и снова грянуло о берег тысячетонное щупальце спрута. Надо мной прошел жаркий ветер, и я увидел на верхушках сухого тростника язычки бледного огня.

А в ясном небе, над огнем и грохотом, над моим отчаянным страхом, стояла громадная круглая голова с зелеными глазами. Глаза медленно поворачивались, кого-то искали. Меня?

Я отбросил щит, вскочил и побежал. Как зверек в траве. Скорее, скорее, лишь бы спастись...

Я бежал, а земля вздрагивала и гудела, и теплый ветер иногда толкал меня в спину. Потом стало тихо, но я все равно бежал. А в голове само собой колотилась только одна коротенькая мысль: “Спрут, а не Ящер. Спрут, а не Ящер...”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.